

если бы уже обладали вечностью. Пульхерия Андреевна Раскольниковва обещает вечно Бога молить за благодетельницу Марфу Петровну, а Свидригайлов готов клясться Дуне в вечной любви. Очевидно, в обоих случаях слово “вечный” используется метафорически для обозначения очень сильного чувства и интенсивного переживания. “Минута” в этом смысле имманентна вечности, поскольку обозначает чувство, которое на земле человек долго выносить не может, и в переживании-вовлеченности в это чувство пропадает время. Вероятно, именно в этом значении – самозабвенной страсти – понимаются такие эпитеты, как “вечная Сонечка”, “вечный муж”. По мнению В.Я. Кирпотина, эпитет “вечный” в том особенном значении, в каком использует его Достоевский, был заимствован из бальзаковского романа “Отец Горио”: «Бальзак назвал своего Горио “вечным отцом”. Эпитет этот привлек внимание Достоевского. Он показался русскому писателю чрезвычайно удачным для обозначения страсти, в которой человек беспредельно отдается другому вплоть до утраты собственной личности» [1].

Достоевский часто пользуется словом “вечность” для описания сильной страсти в ранних произведениях. Неточка Незванова рассказывает об отчине: “Он снова остался в провинции, опять поступил в какой-то провинциальный оркестр, потом опять не ужился в нем и, переходя таким образом с одного места на другое, с *вечной* идеей попасть в Петербург как-нибудь в скором времени, пробыл в провинции целые шесть лет” [2. Т. 2. С. 148] (Курсив здесь и далее, кроме особо обозначенных случаев, наш. – М.Г.). Одновременно эпитет “вечный”, относимый в мире Достоевского к земным вещам, может свидетельствовать о тоске героя по устойчивому и неизменному в хрупкой и постоянно изменяющейся действительности с очень непрочными связями между людьми, их привязанностями и чувствами, длящимися не более “минуты” или “мгновения”. В этом смысле “вечное” чувство – чувство, живущее более мгновения. Неточка Незванова мечтает о том, как она с отцом будет жить в богатом доме с красными занавесками “в каком-то *вечном* празднике и *вечном* блаженстве” [Т. 2. С. 163]; Алеша и Катя в “Униженных и оскорбленных” клянутся друг другу “в *вечной* дружбе” [Т. 3. С. 308]. Настенька тоже просит героя “Белых ночей” быть ей “*вечно* другом, братом” [Т. 2. С. 140]. Таким образом, уже чисто на языковом уровне “вечность” проявляется в земных вещах, человеческих отношениях. Однако также возможно интерпретировать употребление слова “вечность” в этих контекстах как чисто риторическую фигуру, унаследованную Достоевским из стилистики романтизма.

Вопрос о вечности и вечном бытии для Достоевского – это прежде всего вопрос о бессмертии души, о Боге, причем вопрос не столько о существовании Бога, сколько о вере в Него и доверии. Именно поэтому в рассказанном чертом анекдоте о философе и мыслителе, который все отвергал, “а главное – будущую жизнь” [Т. 15. С. 78], герой, даже убе-